

4. 100 Великих мифов и легенд, [Электронный ресурс]. / Режим доступа URL: <http://2уха.ru/100/mifov.php?sto=33>. (дата обращения 23.09.14).

В.В. Ананьев (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН «ЦВЕТУЩАЯ САКУРА» КАК ЭЛЕМЕНТ ВТОРИЧНОЙ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена рассмотрению прецедентного феномена японской когнитивной базы «цветущая сакура» в качестве элемента вторичных моделирующих систем. Устанавливается, что прецедентные феномены, используемые в японских художественных текстах, являются полифункциональными, позволяя адресату достраивать текст и связывая последний как с прецедентной ситуацией, так и с корпусом прецедентных текстов.

***Ключевые слова:** прецедентный феномен, прецедентная ситуация, прецедентный текст, вторичная моделирующая система, художественный текст, хайку.*

V.V. Anan'ev (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

THE PRECEDENTIAL PHENOMENON “CHERRY BLOSSOMS” AS AN ELEMENT OF A SECONDARY MODELLING SYSTEM

The article aims at a study of the precedential phenomenon “cherry blossoms” of the Japanese cognitive base as an element of secondary modelling systems. It establishes the multy-functional nature of the precedential phenomena used in Japanese literary texts, which allows the addressee to reconstruct the text and connects the latter with a precedential situation as well as with a corpus of precedential texts.

Key-words: precedential phenomenon, precedential situation, precedential text, secondary modelling system, literary text, haiku.

Прецедентные феномены как феномены, значимые в познавательном и эмоциональном отношениях и известные большей части членов социума, являются важным элементом японских художественных текстов. Изучение прецедентных феноменов представляет собой одну из актуальнейших областей лингвистики и лингвокультурологии, их проблематика всегда была неразрывно связана с вопросами интертекстуальности и лингвистики текста (позже – дискурсивных исследований) в целом, однако особый интерес представляют случаи семантизации текста с помощью прецедентных единиц.

В настоящей статье рассматривается употребление прецедентных феноменов как одного из структурообразующих элементов вторичных моделирующих систем, а именно – японских художественных текстов на примере феномена цветущей сакуры, которая обозначается словами 桜 *сакура* «сакура», 花 *хана* «цветы» или сочетанием 桜の花 *сакура-но хана* «цветы сакуры». Для рассмотрения вопроса с такой точки зрения необходимо, во-первых, уточнить статус ПФ «цветущая сакура» в когнитивной базе носителей японского языка, а во-вторых, проанализировать его роль в структуре художественных текстов.

В отечественной лингвистике направление изучению ПФ было задано работами Ю.Н. Караулова, который определил прецедентные тексты как тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2007, с. 216].

Термин «прецедентный текст» оказался востребованным в научной среде и послужил основой для образования серии терминов, обозначающих близкие понятия, таких как «прецедентный феномен», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя», «прецедентная ситуация». *Прецедентный феномен* (далее – ПФ) является родовым понятием по отношению к прочим указанным,

В.В. Красных и Д.Б. Гудков определяют ПФ на основе дефиниции прецедентного текста Ю.Н. Караулова, заменяя словом «феномен» слово «текст» [Захаренко, 1997, с. 82]. ПФ делятся ими на вербальные (тексты в самом широком смысле слова) и невербальные (произведения изобразительного искусства, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.).

Вербальные ПФ включают в себя прецедентные тексты, прецедентные высказывания и прецедентные имена. *Прецедентный текст* (далее – ПТ) понимается как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу»; хорошо знакомый «любому среднему члену национально-культурного сообщества»; обращение к нему «может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена» [Захаренко, 1997, с. 83]. *Прецедентное высказывание* (далее – ПВ) представляет собой «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности»; законченную и самодостаточную единицу, «которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей» языка [Там же]. Под *прецедентным именем* (далее – ПИ) понимается «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным... или с прецедентной ситуацией», как «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного... или более элементов... обозначая при этом одно понятие» [Там же].

К невербальным ПФ относят *прецедентные ситуации* (далее – ПС), определяемые как некие «эталонные», «идеальные» ситуации, связанные «с набором определенных коннотаций», дифференциальные признаки ПС входят в

когнитивную базу носителей данного языка. ПС могут вербализовываться с помощью ПВ или ПИ [Там же].

Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова понимают прецедентность как «наличие в тексте элементов предшествующих текстов» [Слышкин, 2004, с. 7]. Такой подход дает возможность расширить круг единиц, выступающих в качестве прецедентных. Н.А. Голубева говорит о ПФ, реализующих «собственно прецедентность» через отсылку к артефактам, и о *прецедентах с определенной степенью феноменологичности* (далее – ПСФ), реализующих «неполную» прецедентность или «протопрецедентность» [Голубева, 2008, с. 128]. «Неполнота» прецедентности заключается в том, что явление, к которому отсылает ПСФ, мыслится как константа коллективного сознания, а не как артефакт.

Необходимость такого подробного обзора определений ПФ вызвана особым характером ПФ «цветущая сакура», равно как и других единиц, фигурирующих в японских художественных текстах. Рассмотрим данный ПФ более детально.

Прежде всего, поясним, чем вызвано обозначение данного ПФ именно как «цветущей сакуры».

Слово 桜 *сакура* «сакура» в Японии используется в качестве общего обозначения около десяти видов растений рода слива семейства розовых. Сакура с древних времен занимала важное место в японской культуре, первое письменное упоминание о ней относят к 712 г. [小林, 2000, с. 218]. Сначала сакура преимущественно связывалась с весной, поскольку период цветения большинства видов, объединенных этим названием, приходится на конец марта – начало апреля. Позже, в связи с тем, что лепестки сакуры осыпаются в разгар цветения, не увядая, она стала ассоциироваться с буддийской идеей о бренности бытия и одновременно – с сословием самураев, поскольку олицетворяла идеал пути самурая – красивую смерть в расцвете сил. Начиная с периода Мэйдзи (1868-1912 гг.) сакура стала позиционироваться как символ государства и верности ему и лично императору.

Во всех этих случаях в качестве символа воспринимаются именно цветы, либо деревья в цвету. Кроме того, в классической поэзии часто используется слово *花 хана* «цветы», обозначая именно цветы сакуры.

Особый характер данного ПФ обусловлен как его содержательной стороной, так и формальной. Во-первых, прецедентность его на первый взгляд определяется недостаточно четко: с одной стороны, упоминание сакуры часто является указанием на ситуацию, а именно – середину весны и, метафорически, расцвет жизни, либо ее быстротечность, однако с другой – это не какая-то конкретная ситуация, а обобщенная. Примерно так же дело обстоит с отсылкой к ПТ: особенность реализации прецедентности здесь в том, что чем новее, ближе к нашему времени произведение, тем менее конкретны ПТ – слово употребляется потому, что относится к сезонным, а такие слова не могут не присутствовать в стихотворении.

Однако чем дальше в историю углубляется взгляд исследователя, тем конкретнее становятся прецеденты, т. к. многие авторы писали свои произведения, подражая предшественникам, либо будучи под впечатлением от их произведений, либо отвечая на чье-то стихотворение (обычай обмена поэтическими посланиями описан в средневековой дневниковой литературе). И так вплоть до безусловно прецедентных текстов японской культуры: антологии собственно японской поэзии «Манъёсю» (ок. 759 г., 44 упоминания сакуры), сборника *канси* – стихов на китайском языке – «Кайфусо» (751 г., 2 упоминания), «Анналов Японии» («Нихонсёки», 720 г., 2 упоминания) и древнейшего письменного памятника «Записи о делах древности» («Кодзики», 712 г., 1 упоминание). И даже дальше – до китайских текстов, которые рассматриваются в качестве основы некоторых *канси*, написанных в Японии [小林, 2000, с. 219]. Таким образом, даже если упоминание сакуры не направляет к определенной ПС или ПТ, происходит отсылка к ситуации, имеющей «сверхличностный характер» и значимой «в познавательном и

эмоциональном отношении» или к целому корпусу ПТ. Иными словами, отрицать прецедентный характер данного феномена невозможно.

Во-вторых, особенным вследствие краткости представляется и его означаемое: его нельзя отнести к ПТ, т.к. текст представляет собой (поли)предикативную конструкцию, о которой речи идти не может; его сложно отнести к ПВ, поскольку обычно термин «высказывание» предполагает большую длину; и его вряд ли можно отнести к ПИ в связи с тем, что под последним понимается индивидуальное имя, тогда как и 桜 *сакура* «сакура», и 花 *хана* «цветы» являются именами нарицательными.

В этой связи можно рассматривать ПФ типа 桜 *сакура* «сакура» и 花 *хана* «цветы» (а к ним относятся также все так называемые «сезонные слова») как занимающие промежуточное положение между ПВ и ПИ, либо обозначить их термином Н.А. Голубевой – ПСФ. В рамках данной статьи мы будем придерживаться второго варианта.

Термин «вторичные моделирующие системы» был предложен одним из представителей московско-тартуской семиотической школы Б.А. Успенским для обозначения семиотических систем более высокого, по сравнению с естественным языком, уровня, обслуживающих узкоспециализированные сферы человеческой деятельности [Лотман, 1996, с. 32].

Ю.М. Лотман писал, что восприятие художественного текста подобно борьбе или игре между слушателем и автором: восприняв часть текста, слушатель «добраивает» целое, после чего автор подтверждает или опровергает эту догадку. В связи с этим возникает вопрос отношения действительной структуры произведения к структуре, ожидаемой слушателем. По этому критерию все произведения можно поделить на два класса. Первый «составляют художественные явления, структуры которых наперед заданы, и ожидание слушателя оправдывается всем построением произведения» [Лотман, 1998, с. 271]. Второй класс «будут составлять системы, кодовая природа

которых не известна аудитории до начала художественного восприятия» [Там же, с. 275].

В истории мирового искусства художественных систем, относящихся к первому классу, больше: к ним относятся «фольклор всех народов мира, средневековое искусство, которое представляет собой неизбежный всемирно-исторический этап, комедия дель арте, классицизм» [Там же, с. 271]. Художественная система такого типа строится на основе специальных правил отбора лексики, правил построения метафор и т. д.

К художественным системам такого класса относится и классическая японская поэзия, причем особенно ярко их особенности проявляются в трехстишиях хайку. Обусловлено это их малым размером (всего 17 мор) и вытекающей из него ограниченностью выразительных средств. В отсутствие рифмы в японском стихосложении средством организации строки становится ритм, основанный на тактовой незавершенности: тактовая единица состоит из двух мор, соответственно, строка содержит два с половиной такта (пять мор) или три с половиной (семь мор). Кроме того, дополнительным условием является указание на время года, причем это условие обязательно, т. к. его невыполнение переводит стихотворение в другой жанр – *сэнрю*.

Сезонное слово в хайку выполняет несколько функций. Рассмотрим это на примере.

(1) 玉川に 高野の花や 流れ去る 与謝蕪村

Тамагава-ни Такано-но хана я нагарэсару Ёса Бусон

«По Тамагава-реке уплывают цветы из Такано»

Слово «хана», во-первых, указывает на время года, таким образом выполняется формальное условие соответствия жанру. Во-вторых, связывает данный текст с ситуацией: с одной стороны, конкретной, когда поэт находится на берегу реки и видит на воде опавшие лепестки, с другой – обобщенной, входящей в когнитивную базу народа – обычаем любования сакурой. В-третьих, сакура, опадающая в разгар цветения, ассоциируется с буддийской идеей о бренности и изменчивости мира, о том, что даже самые красивые и, казалось бы,

полные сил вещи и существа недолговечны. И через эту ассоциацию осуществляется отсылка к буддийскому учению, оформленному в виде различных текстов. В-четвертых, упоминание сакуры актуализирует связь с произведениями поэтов-предшественников.

В некоторых случаях прецедентность может быть более явно выраженной.

(2) *さまさまの事おもひ出す桜かな* 松尾芭蕉

Самадзама-но кото омойдасу сакура кана Мацуо Басё

«Сколько воспоминаний / Вы разбудили в душе моей, /О вишни старого сада!» (перевод В. Марковой)

В самом стихотворении прецедентная связь не проявляется, однако в комментариях к нему указывается, что это хайку Басё написал, посетив могилу бывшего главы княжества, откуда поэт был родом.

(3) *西行の 菴もあらん 花の庭* 松尾芭蕉

Сайгё-но иори-мо аран хана-но нива Мацуо Басё

«Здесь и лачуге Сайгё оказаться впору. Двор весь в цветах»

В данном случае отсылка к ПТ явная и реализуется двумя путями: через ПИ, т. к. Сайгё – это знаменитый поэт конца эпохи Хэйан – начала эпохи Камакура, и через слово «хана», поскольку Сайгё принадлежит много *танка* о сакуре (в связи с чем опять-таки следует говорить не об одном ПТ, а о совокупности ПТ). В частности, одним из самых известных стихотворений является следующее:

(4) *願わくは花の下にて春死なん そのきさらぎの望月の頃* 西行

*Нэгаваку-ва хана-но мото-нитэ хару синан соно кисараги-но
мотидзуки-но коро* Сайгё

«Как бы я хотел умереть ранней весной под сенью цветов, когда вторая луна достигает полноты»

Танка строятся на других принципах, однако и здесь слово «цветы» указывает на ту же ситуацию – любования сакурой.

Сакура используется и в современных художественных текстах, таких как тексты песен, кинофильмы, телесериалы для указания на ситуации, входящие в

когнитивную базу. Однако в современных текстах чаще всего актуализируется связь с окончанием учебного года и началом нового: время цветения сакуры совпадает с этим периодом, поэтому оно ассоциируется с ситуацией расставания, с одной стороны, а с другой – начала нового этапа в жизни.

Подводя итог, можно сказать следующее. Цветущая сакура входит в когнитивную базу носителей японского языка в качестве особого прецедентного феномена, который можно назвать прецедентом с определенной степенью феноменологичности. Его отличие состоит в том, что данный ПСФ указывает чаще всего не на какую-то конкретную ПС, а обобщенную, но при этом знакомую и в той или иной степени повторяющуюся в жизни практически каждого японца. Одновременно происходит отсылка и к ПТ, но не к одному, а целому корпусу.

В художественных текстах такие ПСФ становятся опорными элементами, позволяющими читателю/слушателю быстро и достаточно точно достраивать текст и описываемую им ситуацию, что особенно важно в классической поэзии в связи с краткостью стихотворений и ограниченными возможностями использования выразительных средств.

Библиографический список

1. Голубева, Н.А. От концепта к категории (опыт описания прецедентных единиц) // Армия и общество . 2008. №3. С. 125-131.
2. Захаренко, И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов [Текст] / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – С. 82 – 103.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
4. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха [Текст] / Ю.М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство – СПб, 1996. С. 31–35.
5. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 269–281.

6. Слышкин, Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) [Текст] / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
7. 小林、義雄. サクラと日本人 [文章] / 小林義雄 // 世界大百科事典. –東京 : 平凡社. –2000. –第 11 卷. –218 頁.

Список источников примеров

1. 井上、隆雄 . 桜と西行 [電子リソース] / 井上隆雄 . – <http://www10.ocn.ne.jp/~awjuno/sub4103.html> (27.09.2014)
2. 四季の植物のうた [電子リソース] / – <http://www.geocities.jp/sikinosyokubutu/sakura.html> (27.09.2014)
3. 松尾、芭蕉. 芭蕉俳句集 [文章] / 松尾芭蕉. –東京 : 岩波文庫、1970. –206 頁.